

Глава 16. РЕВОЛЮЦИИ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ*

Л. Е. Гринин**

В главе рассматривается роль революций в развитии исторического процесса и глобализации как составной части исторического процесса. Показано, почему изменился сам характер революций и резко возросло их значение с начала XVI столетия, то есть с началом промышленной революции и раннего Нового времени. Даются некоторые характеристики революций как феномена, анализируется, как росла роль революций в историческом процессе и глобализации и почему она стала снижаться со второй половины XIX в. (в плане важнейшей движущей силы прогресса). Анализируются роль революций в настоящее время, способы их использования как геополитического оружия, даются прогнозы.

Ключевые слова: глобализация, революция, исторический процесс, Реформация, раннее Новое время, геополитическое оружие, условия совершения революций, кризис, Мир-Система, рост и снижение роли революций.

Введение. О точке отсчета процессов. Революция как исторический феномен

Хотя по поводу того, когда началась глобализация, давно ведутся дискуссии (см. об этом в обстоятельном исследовании А. Н. Чума-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-11-00634).

** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., в. н. с. Института востоковедения РАН, заместитель руководителя Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования.

кова [2011]; см. также: Гринин 2011), тем не менее никто не оспаривает, что начало Великих географических открытий (конец XV – начало XVI в.) явилось в истории глобализации исключительно важным рубежом. Однако мало кому приходит в голову, что в очень близкое к этому периоду время начался и отсчет истории современных революций. Мы подразумеваем начало Реформации в Германии, которой в 2017 г. исполнилось 500 лет¹. С нее можно начинать отсчет современных революций в Европе и в мире (о Реформации как первой революции см. подробнее: Гринин 2017а).

Мы имеем в виду революции нового типа, которые до XVI в. были практически неизвестны в истории. Конечно, если рассматривать революции как насильственную смену режима, то можно сказать, что они сопровождают политическую историю на протяжении многих тысячелетий, особенно в государствах полисного типа, в которых режимы могли меняться с олигархического (или тиранического) на демократический и наоборот². Однако производственная основа общества не менялась вслед за революциями, поэтому их прогрессивный эффект был намного слабее, чем в эпоху модерна, и их роль в историческом процессе была не слишком существенной.

С началом же Нового времени, то есть с конца XV в., начался и переход к новому – промышленному – принципу производства (см. подробнее: Гринин 2006; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; Grinin, Korotayev 2015). А вместе с этим постепенно возникла объективная необходимость сменить и другие отношения, поскольку иначе общество не могло создать простор для развития новых производительных сил. И именно революции могли способствовать слому отношений, которые этому развитию препятствовали. Они стали одной из ведущих движущих сил исторического процесса (см.: Гринин 1997; Травин, Маргания 2004; Голдстоун 2015).

¹ 31 октября 1517 г. Мартин Лютер, доктор богословия Виттенбергского университета, публично вывесил свои знаменитые «95 тезисов», в которых выступил с резкой критикой существующих практик католической церкви, в частности продажи индульгенций.

² История некоторых регионов, например, эллинистических государств и Древнего Рима, а равно и многих государств Востока, может быть описана в революционном аспекте как борьба социальных и политических групп за распределение ресурсов и власти (см., например: Сорокин 1992; 1994).

С этого времени можно говорить о них как о явлении, ставшем исключительно важным для разворачивания исторического процесса, как о способе реализации поступательного развития общества, слома препятствий на его пути, повышения его экономического, культурного и политико-правового уровня³. Иными словами, здесь мы рассматриваем революции не просто как способ смены политического режима, но как форму разрешения противоречий в обществах, которые в этот период являлись лидерами технологического, культурного и политического развития⁴.

И именно потому, что революции стали играть очень важную роль в историческом прогрессе, они также оказались тесно связанными с процессами глобализации.

Глобализация, естественно, неразрывна с разворачиванием исторического процесса, она делает его сцену масштабнее, создает как его единство, так и вариативность; одновременно процессы, идущие в тех или иных обществах и регионах, воздействуют на ход глобализации. В данной главе мы попытались наметить некоторые связи между тремя этими исключительно важными феноменами. (Добавим, что эта глава развивает тему, поднятую в нашей работе: Гринин 2017б.)

О некоторых условиях совершения революций. Для начала, развития и победы революции необходим целый ряд условий. Анализировать их все в данной главе мы не можем, тем более что это весьма дискуссионная проблема (анализ некоторых этих условий см.: Гринин 2017а). Отметим только четыре, о которых говорят реже. 1. Наличие относительно новой или модифицированной идеологии (ее распространение может состояться до революции, а может произойти непосредственно во время нее). Революция в нашем понимании (в отличие от бунта или восстания) нуждается в новой или модифицированной идеологии. Именно такая идеология способна не просто сплотить массы (это могут сделать уже

³ Разумеется, поступательного только в конечном счете (поскольку революции оказались весьма затратным способом развития).

⁴ Однако позже, во второй половине XIX и XX в., революции стали в основном происходить не в центре Мир-Системы, а на ее полупериферии и периферии. В результате в связи с изменением своей роли в историческом процессе они могли переводить общество на немагистральный путь развития. Такими путями были социализм, фашизм (например, в Испании), такова была религиозная революция в Иране (см. подробнее: Гринин 2017г).

протестные настроения, обострение нужды и бедствий, нарастающее недовольство вследствие притеснений и несправедливости). 2. Необходимы какие-либо информационные технологии. Они важны по многим причинам: с их помощью распространяется революционная идеология, осуществляются агитация и привлечение сторонников. Несомненна связь между развитием информационных технологий и возможностью возникновения и распространения революции. Информационные технологии делают возможным быстрое распространение идеологии, а также разносят новости о революциях по миру, что является одной из характеристик развития глобализации. 3. Революции не могут происходить в обществах, где грамотными являются лишь 2–3 % населения (как было в средневековой Европе), требуется значимый процент грамотных людей. 4. Революции как движения с идеологией, требующей институциональных изменений в политическом и социальном строе, в качестве повторяющегося и закономерного явления могли появиться только в урбанизированном обществе, где также мог существовать определенный уровень грамотности и культуры, где уже сложилась интеллигенция как социальная группа⁵. Иными словами, это общество, в котором началась и идет индустриализация и в целом модернизация (о связи революции и модернизации см., например: Хантингтон 2004; Хобсбаум 1999; Voix 2011; Гринин 2013; 2017в; Гринин, Коротаев 2016б).

Все четыре компонента – новая идеология, информационные технологии, грамотность и определенный уровень урбанизации – тесно взаимосвязаны. Развитие революции вместе с этим было связано и с ростом ее социальной базы (буржуазии, горожан, интеллигенции, наемных рабочих и т. п.).

Таким образом, революции открывали дорогу новым производительным силам, включая средства коммуникации, разрушали препятствия на пути капиталистического развития, в том числе ускоряли торговлю и денежное обращение. Отсюда уплотнялись континентальные и мировые связи, глобализация принимала все более зримые формы.

⁵ Недаром революции если и случались в древности и в Средние века, то в основном в городских обществах, где грамотность была по тем временам относительно высокой.

1. Место и роль революций в историческом процессе

Хотя вряд ли кто-то будет спорить, что глобализация – это важная часть развития исторического процесса, а потому каждому этапу развития последнего соответствовал и новый этап глобализации, тем не менее эти взаимосвязи исследованы явно недостаточно. В свое время мы представляли свою периодизацию взаимосвязи между развитием некоторых линий исторического процесса и этапов глобализации (каковыми в табл. 1 выступают типы пространственных связей, то есть связей между обществами и другими субъектами, которые качественно характеризуют уровень развития глобализации).

Табл. 1. Корреляция между пространственными связями, политической организацией и технологическим уровнем

Тип пространственных связей	Период	Формы политической организации общества	Уровень технологии (принцип производства, производственная революция)
Локальные связи	До 7–6-го тыс. до н. э.	Догосударственные формы (простые и среднесложные общества)	Охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ принцип производства, начало аграрно-ремесленного принципа производства
Локально-региональные связи	С 7–6-го тыс. до н. э. до второй половины 4-го тыс. до н. э.	Догосударственные среднесложные формы и первые сложные политии	Распространение аграрно-ремесленного принципа производства, начало городской революции
Регионально-континентальные связи	Вторая половина 4-го тыс. до н. э. – вторая половина 1-го тыс. до н. э.	Ранние государства и первые империи	Завершающая фаза аграрной революции и зрелость аграрно-ремесленного принципа производства
Континентальные и трансконтинентальные связи	Вторая половина 1-го тыс. до н. э. – конец XV в. н. э.	Подъем империй и первые развитые государства	Завершение аграрно-ремесленного принципа производства
Межконтинентальные (океанические) связи	XVI – начало XIX в. (≈ 1492–1821 гг.)	Подъем развитых государств, первые зрелые государства	Первый этап промышленного принципа производства и промышленной революции

Тип пространственных связей	Период	Формы политической организации общества	Уровень технологии (принцип производства, производственная революция)
Глобальные связи	Начало XIX в. – 60–70-е гг. XX в.	Зрелые государства и ранние формы наднациональных образований	Завершающая фаза промышленной революции и завершение промышленного принципа производства
Планетарные связи	Последняя треть XX–XXI в., достаточно отчетливо сформируются в ближайшие десятилетия, к середине XXI в.	Формирование наднациональных образований, эпоха ослабления суверенитета и борьбы вокруг суверенных прав, поиск нового типа политических союзов и образований, планетарных форм управления	Начало и развитие научно-кибернетической революции, завершающая фаза которой предположительно датируется 2030–2070-ми гг. ⁶

Источник: Гринин, Коротаев 2016а: 29.

Тем не менее требуется более глубокий анализ взаимосвязи между историческим процессом в целом и глобализацией как его частью. В данной главе мы попытались в некоторой степени развить эту тему (см. ниже табл. 2), но, разумеется, она требует много больших усилий.

Революции как форма разрешения кризиса. Если рассмотреть общий ряд революций, видно, что это события, связанные с *определенным этапом развития общества*. Поэтому революции можно и необходимо расценивать как особого рода кризис общества, точнее, как *кульминационную часть имеющегося и все более усиливающегося кризиса в обществе и разрешения этого кризиса*.

Рассмотрим это несколько подробнее. Общество, особенно модернизирующееся, – это саморазвивающаяся система. А такая система не только может испытывать, но и обязательно испытывает время от времени кризисы. Важно заметить, что кризисы эти возникают в результате длительного роста. В модернизирующихся обществах этот рост происходит во многих сферах жизни, включая и общественное самосознание (отсюда и высокая роль идеологий в революциях). Но он идет непропорционально – одни сферы опережают другие. С системной точки зрения тогда кризис возникает

⁶ О кибернетической революции см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б.

в результате нарушения пропорций в системе. С точки зрения социальных слоев и групп – это ощущение сильного дискомфорта, осознание, что дела идут совсем не так, как нужно, что есть виновные в этом (обычно правительство или конкретные деятели, усугубившие ситуацию в войне, реформе и т. п.). Это ощущение несправедливости, нарушения важных правил и обычаев и т. п. (на фоне роста диспропорций выше нормы); падение авторитета страны (что, кстати, также свидетельствует о росте общественного самосознания, поскольку, обратившись к истории, можно увидеть, что прежде это не волновало народ в такой степени). Конкретизация такого неправильного положения вещей в осознании общества в очень значительной степени зависит от особенностей социума, времени и личностей, конкретного момента.

Революции как этап развития общества. Важно понимать, что вышеописанный кризис возникает как результат развития, иногда (и даже нередко) бурного развития и роста, которые должны опираться на подъем производительных сил и населения. А поскольку быстрый экономический рост стал достаточно типичным только в Новое время, особенно с развитием индустрии, ясно, что он связан с модернизацией, захватывающей разные сферы общества. Отсюда и установленная связь между революцией и модернизацией (см., например: Хантингтон 2004; Хобсбаум 1999; Voix 2011; Гринин 2013; 2017в). Замедление роста способно стать источником кризиса. Таким образом, революции – результат перехода обществ и в целом исторического развития на другие рельсы – систематического роста экономик и изменения отношений, институтов на этой базе. **Следовательно, революции – поиск способов обеспечить постоянное развитие обществ в условиях, когда общество еще не осознало, что постоянный рост – это не случайность, не аномалия, а необходимое условие существования современного социума.**

Если вспомнить общую логику развития исторического процесса, то на заре его становления видны поиски возможностей создать из локальных, относительно небольших обществ/политий крупные образования – сначала государства, а затем империи. Для создания устойчивых политических образований были крайне необходимы сильные и прочные институты, которые постепенно формировались. Эти институты в Европе оформились в виде леги-

тимного и сакрализованного монархизма (где только выработка правил наследования потребовала очень долгого времени), национальных государств, сословности или других форм организации социального порядка и т. п. Таким образом, здесь исторический процесс «работал» в направлении создания прочных институтов, способствовавших устойчивости общества при любых пертурбациях, при постоянной внешней активности государств. Это могло быть постольку, поскольку производственный и технологический фундамент общества (а вместе с тем и социальный, так как крестьянство составляло основу народа) был достаточно консервативным и архаичным, не изменяющимся постоянно (да и культура была архаичной, уровень грамотности – низким). Но с изменением этого производственно-технологического базиса начался процесс, при котором данные прочные, иногда сверхпрочные «крепления» общества (например, императорская власть определенной династии была важнейшей скрепой для многонационального государства) постепенно становились помехой для движения общества вперед. Общества, отличного от прежних типов, которое считало промышленность и торговлю важнейшим средством решения финансовых и иных проблем, которое в условиях международного соперничества вынуждено было их не только терпеть, но и развивать; общества, которое должно было заботиться о средствах коммуникации, образовании и т. д. и т. п. Отсюда важнейшие и крупнейшие достижения исторического прогресса – хорошо организованное самодержавие, абсолютная монархия и крепкие, контролируемые и опекаемые государством сословия, четкая социальная иерархия, тоталитарная религия и др. – неожиданно становились преградами на пути развития (и прогресса, идея которого стала формироваться и укрепляться).

Таким образом, поскольку модель существования и функционирования общества изменилась с консервативной на динамическую, прежние институты, включая абсолютную монархию и подчиненную ей, но во многом самодостаточную аристократию (а равно и ставшую государственной церковью), стали тормозом на пути прогресса. Сказанное объясняет, почему революции должны были вести к изменению политического строя.

Таким образом, *революция в общем виде в историческом процессе выступает как возможность насильственно изменить си-*

туацію в условиях возникновения противоречия: а) между ростом определенных сил (включая и рост самосознания) и б) наличием жестких институтов и отношений (опять же включая и самосознание власти и элит, охраняющих их), мешающих дальнейшему росту и самоопределению указанных сил.

Падение значения революций как двигателей исторического процесса. Революция – это одно из средств обеспечить в итоге простор для паттерна постоянного изменения общества, его жизни в условиях постоянного изменения. Но это средство с каждым разом начинало выглядеть все более опасным. И поскольку в целом революционное «лекарство» оказалось слишком сильным и опасным, в обществах, переживших революции и испытывающих страх при воспоминании о них, возникало желание избежать их любой ценой. В результате удалось найти и иные, более эффективные (и более осознанные) способы поддержания условий для постоянного изменения: реформы, демократические институты, создание архетипа, который стимулирует людей к жизни в условиях изменений, а также сакрализация таких институтов, как образование, наука, рынок, права человека и групп и т. п.

Таким образом, революции в ряде обществ как бы выходили из оборота средств социального развития и разрешения конфликтов, заменяясь более цивилизованными формами.

Но так происходило только в ряде наиболее развитых обществ. В других случаях революции оставались по-прежнему актуальными. Это прежде всего касалось тех обществ, которые дорастали до уровня, когда революции становились в них возможными, но их политическая система не изменялась в ногу со временем. В итоге эти быстроразвивающиеся общества переживали революционный коллапс (как это случилось в России).

Революции, как уже было сказано, происходят на определенном этапе в том случае, когда на пути развития стоят жесткие преграды и институты. А таковыми могут быть не только абсолютная монархия, аристократия или крупное феодальное землевладение, жесткая эксплуатация, но и национальное неравноправие. В еще большей мере сказанное относится к росту национального самосознания у народов, лишенных своей государственности при отсутствии хотя бы автономии. Национальный гнет, определенное законодательство, закрепляющее неравноправное положение народов,

языков, национальных религий и т. п., – все это весьма жесткие отношения, которые обычно меняются с большим трудом (и, напротив, могут усиливаться целенаправленной государственной политикой). Отсюда появляются националистические революции как способ изменить ситуацию, очень характерные для XIX и XX вв. (см.: Геллнер 1991).

Итак, вместо революций во все большем количестве стран укреплялся новый инструмент развития – сознательное реформирование, которое при удачном стечении обстоятельств позволяло снимать социальное напряжение, но главное – открывало перспективы развития общества на десятилетия. Реформы также стоили немало, но их цена обычно была существенно ниже революционной. Вот почему революции сегодня уже трудно рассматривать со знаком плюс – их цена и особенно опасность направить общество по неверному курсу (как это случилось в октябре 1917 г. в России или в 1979 г. в Иране) во многих случаях начинает значительно превышать возможный прогресс. Иными словами, того же самого (в смысле роста качества жизни и модернизации общества) в итоге можно добиться в спокойном темпе, пусть и ценой сохранения аморального режима, не потрясая общество⁷. Собственно, это заметил уже А. де Токвиль в середине XIX в., исследуя «старый», то есть дореволюционный (до 1789 г.), порядок во Франции. «Внезапно, болезненным резким усилием, без перехода, без предосторожностей и без пощады Революция завершила дело, которое мало-помалу завершалось само собой», – делал он вывод (Токвиль 1997: гл. V).

Но если Французская революция конца XVIII в. при всей своей огромной цене (включая и миллион жизней, унесенных Наполеоновскими войнами), несомненно, была значимым толчком к изменениям не только во Франции, но также в Европе и в мире в целом, то сегодняшние революции, хотя они и вызывают международные кризисы, толчком к прогрессу считать нельзя (ярким примером че-

⁷ Насмешливая строка В. В. Маяковского из поэмы «Хорошо»: «Постепенно, понемногу, по вершочку, по шажку, сегодня, завтра, через двадцать лет» – на самом деле бьет по революционерам. Последние хотят все сделать быстро и сейчас, но порой вовлекают свои страны в длительную и тяжелую полосу. И когда сравниваешь, чего можно было бы достичь через 20 или даже 50 лет, понимаешь, что мирный путь был бы намного эффективнее.

го являются Украина, Египет, Тунис). А часто это определенный цикл кризиса, после чего все возвращается к прежней ситуации. Кроме того, шанс на успех революции (опять же в смысле улучшения жизни и особенно искоренения тех язв, которые революцию вызывают) не только не стопроцентен, но и порой невелик. А вероятность, что все вернется на круги своя, напротив, высока.

2. Революции и глобализация

Роль идеологий и насильственных модернизаций в глобализации. Революции как подражание. Раннее Новое время как нельзя лучше подтверждает идею о тесной взаимосвязи различных процессов. Так, в отношении глобализации нельзя не отметить, что революции создают новые идеологии, которые распространяются по свету, делают возможным появление интернациональных идей нового типа, а следовательно, увеличивают возможности синхронизации развития, без чего нарастание глобальных процессов невозможно. На первых порах революции позволили укрепиться новым направлениям религии, которые – впервые в истории – поощряли торговлю и накопление богатства (в этом смысле они являлись, безусловно, новыми идеологиями). В частности, победа Нидерландской революции (1566–1609), в результате которой маленькая Голландия сделалась независимой от Испании, открыла торговый век Голландии, что способствовало развитию мировой торговли и мирового мореплавания в XVII в., а в целом – и развитию процесса глобализации.

Революции дают толчок росту образования, что является основой для развития информационных потоков и превращения информации в часть производительных сил. Появление новых идеологий, в том числе и религиозных, способствует активизации части населения и заселению новых территорий. Так, победа Английской революции ускорила заселение Северной Америки и создала там в итоге исключительно свободное от разных феодальных обременений общество, населенное протестантами, которые строили свои общества по своему плану (нечастое явление в истории вообще)⁸.

⁸ Отметим, что огромную роль во французской колонизации Канады (как и Луизианы) сыграли именно гугеноты, которым стало сложно жить во Франции, особенно со времен Людовика XIV. Немаловажно, что вместе с диффузией технологий можно наблюдать местами и непосредственное переселение их обладателей

Распространение революций (и революционных идей) происходило также за счет революционных войн. Наиболее известный эпизод – это Наполеоновские войны. Исторический процесс можно представить как циклы ускорений развития отдельных стран или регионов и затем как циклы подтягиваний к ним отставших обществ⁹. Развитие глобализации также связано с этими циклами, поскольку они так или иначе изменяют и усложняют взаимосвязи между различными странами и регионами, меняют конфигурацию Мир-Системы (в частности, смещают ее центр [см., например: Арриги 2006]). Для начала глобализации было достаточно развития техники мореплавания и захвата новых земель. Для развития глобализации необходимы были процессы некоторого выравнивания обществ, способности периферии служить интересам центра, для чего после завершения промышленной революции потребовалось и определенное развитие полупериферии и периферии (см. подробнее: Grinin, Korotayev 2015).

Революции способны выполнять обе функции: они могут обеспечить тем или иным обществам выход вперед, в частности, если те становятся лидерами развития, прокладываящими путь другим обществам. Такова была роль, например, Англии после революции XVII в. Они также подтягивают периферийные и полупериферийные общества к лидерам. В ряде случаев роль революций играют насильственные модернизации победителя. Так, Наполеон изменял режимы в германских государствах и Италии. Таковы же были оккупационные преобразования в Японии, Корее (а также и в странах, которые стали социалистическими) после Второй мировой войны. Такие изменения очень существенны для развития глобализации.

Темп развития с начала Нового времени за счет совершенствования техники, торговли, Великих географических открытий, роста урбанизации, грамотности, распространения информации и прочего явно ускорился. И поскольку революции были одним из важнейших способов такого ускорения, после появления обществ, где они привели к благотворным переменам, потребность в изменениях становится все желаннее по ряду причин. В частности, постоянная

(как было в Англии, куда переселялись ремесленники из Фландрии, а также из гугенотской Франции). С этим связано и перенесение диссидентской идеологии.
⁹ Циклы дивергенций и конвергенций (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2016а).

критика режима (в условиях появления стран с более либеральным режимом и более высоким развитием, какой была Англия для Франции в XVIII в., Франция для России в начале XX в.) вызывает определенный дрейф части элиты к осознанию необходимости изменений (даже и путем революции), хотя потом история доказывает контрпродуктивность их позиции с точки зрения самосохранения (см. об этом ниже). В итоге революциями «переболели» очень многие страны. И сегодня они далеко не вышли из арсенала решения социально-политических проблем.

Революции в аспекте развития глобализации. Выше мы рассмотрели революции в ряде аспектов. Но их нельзя понять только с точки зрения системного подхода в плане анализа общества как в основном самодостаточной системы. Нужен и иной подход, скажем, рассмотрения революций в аспекте развития глобализации, или мир-системный, так как развитие Мир-Системы – это и есть глобализация в определенном измерении. На самом деле, во-первых, переход к ситуации необходимости постоянного развития не мог распространиться во многих обществах (равно как и идея необходимости модернизации), если бы не международное военно-политическое соперничество и экономическое превосходство других стран как его неизбежное следствие. С того момента, как военные возможности стали зависеть от технологий (пороховые революции, корабельное дело, пути сообщения, инфраструктура и пр.), военно-экономическая модернизация стала жесточайшей необходимостью. Финансовые потребности такой военной модернизации заставляли искать источники развития торговли и промышленности, роста образования и т. п. Также заимствовались и иные достижения, включая медицинские, научные и пр. Отсюда роль внешнего фактора становилась огромной.

Во-вторых, постепенное уменьшение роли религиозного образования и религиозной идеологии и замена ее светской неизбежно вели к импорту идеологий. А это означало и импорт революционных идеологий.

В-третьих, распространение контактов и знаний привело к тому, что начиналось подражание более развитым обществам, то есть тем, кто уже пережил революцию. Революция начинает рассматриваться как необходимость со знаком плюс. Складывается ситуация,

когда идеология в ряде стран за счет заимствования в готовом виде опережает уровень развития общества. Возникает разрыв между идеологами, которые ориентируются на передовые страны, с одной стороны, и возможностями конкретного и неавангардного общества – с другой. В итоге это ведет к своего рода фрустрации, оценке собственного политического режима и отношений как отсталых, никуда не годных, требующих слома и т. п., как следствие пропаганды усиления напряжения и роста революционных настроений. Также имеется и интернациональная, пусть небольшая, но активная прослойка идеологов-революционеров. И по мере модернизации все новых обществ усиливается и влияние новых идеологий. Отсюда возникают революционный интернационализм и революционная идеология как универсальная.

Иными словами, во многих случаях революции происходят в обществах, объективно еще не достигших уровня, когда они становятся неизбежными, но за счет заимствования идеологий и практик революций из более развитых стран в этих только начавших процесс модернизации государствах складываются определенные группы и органы, которые пытаются ускорить процессы. В итоге социальные протесты и недовольство в них канализируются в объективно более высокую социальную форму, чем это могло бы быть в условиях самостоятельного развития. Словом, за счет мир-системного эффекта революции начинают захватывать и периферийные страны, которые еще объективно не доросли до такой формы прогресса. Ситуация примерно такая же, как в случае распространения экономических кризисов на еще очень слабую в промышленном плане экономику периферийных стран, которая самостоятельно до кризиса не дорастает. И революции происходят в обществах, где социальная основа для их совершения слаба или даже вовсе отсутствует. В итоге в ходе или после революций эти общества оказываются отброшенными назад, так как попытки внедрить более высокие отношения редуцируются к естественным для них (что выражается в децентрализации, кровавых диктатурах и модификации архаических отношений). Таковы, на наш взгляд, революции на Востоке в начале XX в. Таковы и многие социалистические революции.

В-четвертых, Мир-Система имеет свою структуру, которая влияет на различные страны по-разному в зависимости от их функционального положения. Проникновение новых идеологий в зависимые страны также создает в них новые ситуации.

Отметим также, что, поскольку развитие во всех обществах идет постоянно, а в центре Мир-Системы оно может быть сильнее, налицо усилия отстающих от центра обществ в стремлении догнать его (но лишь немногим это удается). Однако такая гонка создает условия для повторных революций в догоняющих странах, особенно если они не смогли создать институты, способные изменять общество мирным путем.

С другой стороны, постоянное давление со стороны центра на эти общества в требованиях демократических перемен уменьшает возможности правящей элиты и оказывает мощную поддержку тем силам, которые стремятся к изменениям насильственным путем. Отсюда **новая волна революций как результат того, что общества центра подстегивают к изменениям общества полупериферии.**

Внешний (а в случае мировых событий, например мировых войн, и мир-системный) фактор также очень важен в плане возникновения революционного кризиса (в частности, путем инспирирования революционных действий).

Таким образом, *мир-системный эффект расширяет поле революций в мире, захватывая общества, не дозревшие до революций или не полностью готовые к ним, и повышает возможности их победы. В известной мере именно мир-системный эффект влияет на то, что революции все еще остаются в арсенале средств социальных изменений.*

Наконец, мир-системный эффект значительно сказывается в волнах трансформации (волнах революций), когда они быстро распространяются от общества к обществу (см. подробнее: Гринин 2012), о чем речь пойдет ниже.

Волны революций и развитие глобализации. В XIX–XX вв. можно говорить о нескольких волнах революций. Некоторые из них существенно повлияли на процессы глобализации. Так, революции 1809–1820-х гг., особенно в Испании, Португалии и Латин-

ской Америке, по сути, открыли миру Испанскую Америку, которая была в значительной мере закрыта для торговли и экономического влияния остальных стран (кроме Испании). С этого времени развитие Латинской Америки пошло новыми путями, особенно под влиянием Англии и США. Стоит отметить и волну революций начала XX в. (1905–1912 гг.), которая, начавшись в России, захватила целый ряд стран Азии (так называемое «пробуждение Азии») – Турцию, Персию, Китай. Данные революции существенно изменили взаимоотношения между этими странами и остальным миром, хотя и вызвали в них очень большие катаклизмы (особенно долгие в Китае). Зато социалистические революции 1940-х гг. (которые также выглядели как волна в несколько послевоенных лет) повлияли на глобализацию достаточно противоречиво. С одной стороны, это способствовало более быстрой индустриализации этих стран, с другой – на пути всеобщей глобализации выросли препятствия, так как мир раскололся на два лагеря. Волна национально-освободительных революций в послевоенный период открыла полосу освобождения колоний. Это тоже имело неоднозначный эффект в плане развития глобализации. До этого громадные колониальные империи в известной мере делали мир более сплоченным. Теперь появилось гораздо больше самостоятельных стран, каждая из которых имела особые интересы. Тем не менее в целом процесс глобализации ускорился.

Наконец, последняя волна революций XX в. – антисоциалистические революции конца 1980-х гг. – ликвидировала жесткий раздел мира на два лагеря. После этих событий позитивная роль революций в развитии исторического процесса еще более уменьшилась.

Итогом нашего анализа революций, исторического процесса и глобализации может служить табл. 2, сделанная на основе вышеприведенной табл. 1. В последней колонке представлено, как изменяется роль революций в историческом процессе.

Табл. 2. Корреляция между типом революций, историческим процессом и глобализацией Уровень грамотности российского населения

Тип социально-пространственных связей	Период	Преобладающий тип революций ¹⁰	Роль революций в историческом процессе	Роль революций в глобализации
Континентальные и трансконтинентальные связи	Вторая половина 1-го тыс. до н. э. – конец XV в. н. э.	Полисные и ранние религиозные	Относительно невысокая	Незначительная
Межконтинентальные (океанические) связи	XVI – начало XIX в. (≈ 1492–1821 гг.)	Религиозные, ранние антимонархические	Революции становятся важнейшей ДС исторического процесса	Значимая
Глобальные связи	Начало XIX в. – 60–70-е гг. XX в.	Демократические, национально-освободительные и социалистические	Начинает снижаться с середины XIX в. ДС исторического процесса становятся реформы и планируемые изменения	Высокая до третьей декады XX в.; затем противоречивая, периодами контрпродуктивная
Планетарные связи	Последняя треть XX–XXI в., достаточно отчетливо сформируются в ближайшие десятилетия, к середине XXI в.	Антисоциалистические, «цветные», инспирированные геополитическими игроками	Роль революций как ДС продолжает сокращаться	Идет процесс сокращения роли революций в глобализации

Примечание. ДС – движущая сила.

Заключение. Революции как геополитическое оружие

Революции как геополитическое оружие и в качестве открытой или тайной государственной политики систематически стали использоваться в XX в. (хотя спорадически и раньше, например, такими бы-

¹⁰ Типология революций, разумеется, достаточно сырая, но все же она дает определенное представление о динамике развития. Тема типологий революций – весьма дискуссионный и слабо разработанный вопрос (см. подробнее о наших подходах к типологии: Гринин 2017б).

ли подстегивания восстаний в Польше против власти России в XIX в.). Японцы прибегали к помощи революционеров (в частности, польских) во время Русско-японской войны. Во время Первой мировой войны Англия и Франция (через посольства) поддерживали кадетов в России, которые выступали против монархии и, по сути, призывали к революции¹¹. Германия также использовала (и не без успеха) революционеров, которые выступали за немедленное прекращение войны, прежде всего большевиков во главе с В. И. Лениным. Но в качестве постоянной линии внешней политики и систематически помощь в организации революций стал оказывать СССР практически сразу же после Октябрьской революции (см.: Гринин 2017б). Западные страны, опасавшиеся революций, использовали подготовку к ним как средство влияния значительно реже (хотя США в Латинской Америке иногда устраивали революции, но чаще военные перевороты. Правда, различия между этими видами свержения режима не всегда было легко найти). Однако антиправительственные настроения в социалистических странах США и их союзники инспирировали очень активно.

Как уже было сказано, с распадом социалистического лагеря необходимость в революциях стала существенно меньше. Однако, как ни парадоксально, именно с этого времени США и западные страны резко изменили свое отношение к революциям, поскольку теперь (как только угроза возникновения коммунистических режимов в результате совершения революции исчезла) их стали рассматривать как позитивное и выгодное для Запада явление. Революции вновь, как и раньше, стали отождествлять с демократией, а демократию расценивать как безусловно позитивную форму. Однако становится все более очевидно, что это вовсе не так.

Конец XX и начало XXI в. стали периодом нового типа революций, в которых повысилась доля внешнего вмешательства и инспирирования, использования «рукотворных», нестихийных революций для свержения неугодных режимов. Целая цепь таких революций, получивших название «цветных», прокатилась по ряду стран, и, как уже было сказано, западные страны стали использовать их как важнейший инструмент геополитики для усиления сво-

¹¹ Одна из версий такого поведения наших союзников объясняет это тем, что они стремились достичь за счет революции сразу двух целей: продолжать использовать Россию как активно воюющего союзника и найти возможность уклониться от своих обещаний передать ей Черноморские проливы и Константинополь.

его влияния и подрыва мощи соперников, а также для пропаганды превосходства собственного строя. Для этого в избранных государствах активно подготавливалась оппозиция, которая при возможности проходила обучение с помощью западных инструкторов; также в качестве координаторов и штабов всякого рода использовались НКО и дипмиссии. К сожалению, чаще всего позитивный эффект таких революций был минимальным, зато негативный – разрушительным. «В большинстве стран, где произошли “цветные революции”, не наблюдается быстрого и надежного перехода к демократии», – отмечает даже сторонник таких революций Дж. Голдстоун (2015: 161), показывая, что революции по-прежнему начинаются со свержения старого режима, но впереди у них очень трудный и затяжной процесс утверждения нового; что революции неизбежно порождают новые трудности, новую борьбу за власть и высокую вероятность скатывания к авторитаризму (Там же: 161, 183). Вновь и вновь подтверждается идея о том, что революции – слишком разрушительный способ прогресса для современной формы общественной жизни (см.: Гринин 1997; 2007).

Библиография

- Арриги Дж. 2006. *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего.
- Геллнер Э. 1991. *Нации и национализм*. М.: Прогресс.
- Голдстоун Дж. 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Инта Гайдара.
- Гринин Л. Е. 1997. Формации и цивилизации. Гл. 2. *Философия и общество* 2: 5–89.
- Гринин Л. Е. 2006. *Производительные силы и исторический процесс*. 3-е изд., стер. М.: КомКнига.
- Гринин Л. Е. 2007. *Философия, теория и социология истории*. 4-е изд. М.: КомКнига.
- Гринин Л. Е. 2011. Истоки глобализации: Мир-системный анализ. *Век глобализации* 1: 80–94.
- Гринин Л. Е. 2012. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. В: Коротчаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* (с. 188–223). М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2013. Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.

- Гринин Л. Е. 2017а.** Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд. *Историческая психология и социология истории* 2: 5–42.
- Гринин Л. Е. 2017б.** Революция в России и трансформация Мир-Системы. *Век глобализации* 3: 97–112.
- Гринин Л. Е. 2017в.** Российская революция в свете теории модернизации. *История и современность* 2: 22–57.
- Гринин Л. Е. 2017г.** Революции и исторический процесс. *Философия и общество* 3: 5–29.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а.** *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б.** Кибернетическая революция и шестой технологический уклад. *Историческая психология и социология истории* 8(1): 172–197.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016а.** *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016б.** Революции как особая стадия развития общества и Арабская весна. В: Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Мещерина К. В. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте* (с. 157–190). Волгоград: Учитель.
- Сорокин П. А. 1992.** Социология революции. В: Сорокин П. А., *Человек. Цивилизация. Общество* (с. 266–294). М.: Политиздат.
- Сорокин П. А. 1994.** Голод и идеология общества. В: Сорокин П. А., *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет* (с. 367–395). М.: Наука.
- Токвиль А. де. 1997.** *Старый порядок и революция*. М.: Моск. филос. фонд.
- Травин Д., Маргания О. 2004.** *Европейская модернизация*. Кн. 1. М.: АСТ, Terra Fantastica.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Хобсбаум Э. 1999.** *Век революции. Европа 1778–1848*. Ростов н/Д.: Феникс.
- Чумаков А. Н. 2011.** *Глобализация. Контуры целостного мира*. 2-е изд. М.: Проспект.
- Voix С. 2011.** Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review* 105(4): 809–828.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. N. p.: Springer International Publishing.